

В. Б. Колосова

ПОЛЫНЬ

Полынь в традиционной славянской культуре, несомненно, наделена высоким семиотическим статусом, хотя ее утилитарное использование весьма ограничено. Основано оно на ее горьком, неприятном запахе и вкусе. Так, на Украине при отлучении ребенка от груди ее мазали полынью, так как считалось, что у ребенка, повторно взявшего грудь, «усе життя будуть недобрі очі» (Маковії 1993: 16). В Польше былицей (*Artemisia vulgaris*) натирали руки, чтобы пчелы не кусали, а собранной в июле и высушенной полынью перекладывали снопы хлеба против мышей (Morawski 1884: 14, 26). С ее помощью боролись с домашними насекомыми: «На блохи: Полин з кменом уваривши, з жолчу якого колвек змешать и тим хату часто кропить» (Потебня 1890: 9)¹.

Как считают некоторые этимологи, в самом названии *полынь* (др.-рус. *pelunъ, pelyunъ*, укр. *полин*, бел. *палын, полън, палынь, палынка*, болг., словен., србх. *pelin*, чеш. *pelyn, pelynek*, пол. *piołun*, в.-луж. *polon*, н.-луж. *polyn, polun*) отражен один из ее признаков, поскольку этот фитоним родствен глаголу *palić* — по горькому, жгучему вкусу (Младенов 1941: 417; Brückner 1970: 414; Фасмер 1996: 320) (*Полынь горькая Artemisia absinthium* L. может носить названия *горькуха* (Пск.) или *горькуша* (Новг., Ряз.), *горечь* (Анненков 1876: 47; СРНГ 7: 82). В. Махек также считает эту возможность вероятной, однако связывает название полыни со жжением опосредованно. Он говорит о старинном лекарственном средстве: различные засушенные части определенных видов полыни клали на кожу и сжигали, что оставляло шрам и в дальнейшем имело — подобно калению железом — охранное значение против различных недугов (Machek 1954: 248).

¹ Кроме того, вид *Artemisia vulgaris* L. служит для подметания, с чем и связаны его названия *метла, дивья метла, дивіа метла, метлище* (Шпис-Гулдум 1995: 424).

Другие этимологи производят основу *pel-/pol-* от внешнего вида растения. Так, А. Г. Преображенский пишет: «...весьма возможно, что полынь, пелын названа по характерному для растения цвету. Ср. особ. лтш. *pelejums plūsenь*, но Мн. *pelejumi полынь...*» (Преображенский 1959: 103)².

Несмотря на почти полную практическую непригодность, в одном из травников полынь названа «маткой всем травам» (Зубов 1887: 13). Буковинские травницы почитали ее «травинкой над травинами» (Маковий 1993: 25). Очевидно, такой высокий статус обусловлен теми магическими свойствами, которыми наделялось растение.

Полынь, как почти любое растение, использовалась в различных целях, довольно многочисленных и разнообразных. Однако отчетливо выделяется ее роль как наиболее эффективного средства против русалок и схожих с ними мифологических персонажей славянского фольклора. Соответственно, применение ее становилось особенно активным в период их появления — на Троицкой неделе. Полынь, «травка окающая, бесколосная», при борьбе с русалками считалась «снадобьем, равносильным священной вербе и свечам Страстной недели», а также ладану (Максимов 1995: 328).

В России на Зеленые святки полынь клали под стрехи домов (Mogawski 1884: 22). На Украине также клали на окна и пороги полынь — «от русалок, выходящих в эту ночь из своих вод на сушу» (Максимович 1856: 90), а если «на зелене свята» приходилось ночевать на открытом воздухе — клали ее под голову (Lud Ukraїński 1857/1: 145). В Гадячском уезде Полтавской губернии «на зелени святкы, накануне Троицы» разбрасывали по избе полынь и другие травы (аир, любисток) для защиты от русалок (*лоскотавок*) (Зеленин 1916: 1103).

В Старобельском уезде Харьковской губернии в четверг после Троицы «в леса, сады и огороды» старались не ходить; в случае же необходимости брали с собой ту полынь, которую на Троицу разбрасывали «по хате и под столом» (Иванов 1898: 296). На Украине начиная с *кличальной* субботы (перед Духовым днем) опасались купаться или ходить в одиночку в лес или в поле. От нападения русалок носили с собой полынь; ее же бросали в воду, если все же случалось купаться (Сементовский К. М. 1845: 214; Маркевич 1860: 8). В Переяславском уезде Полтавской губернии девушки опасались купаться на Зеленые святки, не взяв с собой полыни, так как были уверены, что их «непримінно залоскочуть русалкы» (Чубинский 1872: 207).

Защищаясь от *мавок*, украинские девушки носили полынь за пазухой (Маркевич 1860: 8); в Саратовской губернии в четверг после Трои-

² Существуют и другие фитонимы, образованные на основе внешнего вида растения. Так, вид *Artemisia vulgaris* L., имеющий перистые листья, назван (по сходству с шиповником *Rosa canina* L.) *диви́жа ружа* (Шпис-Бурум 1995: 420).

ицы ее вплетали в косы, полагая, что тогда русалка не станет девушек щекотать (Минх 1890: 22). В Полтавской губернии в течение Зеленой недели носили при себе полынь и любисток — «к предохранению себя от нападения русалок» (Арандаренко 1849: 216).

У украинцев села Ставучаны (Хотинский уезд Кишиневской губернии) к празднику сошествия Святого Духа готовили «водку, настоянную на зеленом полыне», полагая, что она оберегает человека от «вися» нечистой силы; в противном случае черт унесет и защекочет человека. Дети же носили полынь за поясом или «на груди, привязав ее к застежке сорочки». Среди местных жителей сохранился рассказ о женщине, унесенной вихрем, так как «она не носила при себе полына» (Кульчицкий 1873: 433–434).

Полынь в течение всей Русальной недели носили при себе не только восточные славяне, но и жители Балкан (Раденковић 1996: 214; Виноградова 2000: 211). Болгары приписывали ей способность отгонять *самодив* и демонов болезней. Перед Русальной неделей полынь носили при себе. Женщины могли стирать белье, лишь если предварительно бросали в воду стебель полыни (Българска митология 1994: 27). В Болгарии полынь считали действенным средством от нападения не только русалок, но и *караконджулов*, самодив, а также защитой от болезней (Пловдивски край 1986: 306). В Сербии также полагали, что полынь защищает от русалок (Чајкановић 1985: 288).

Интересно, что вовсе не обязательно было носить с собой само растение; считалось, что даже одного названия полыни достаточно, чтобы русалки разбежались (Иванов 1888: 99).

Во многих контекстах полынь встречается не одна, а вместе с каким-нибудь растением, либо синонимичным ей по отгонной функции (зоря, любисток *Levisticum officinalis* L.), либо, напротив, привлекающим русалок (мята, петрушка). В Купянском уезде Харьковской губернии рассказывали, что русалки «нападают в лесах и полях на неопытных девушек и парней, не имеющих при себе любистка и полыни». Оберегом в этом случае могла служить как сама полынь, так и ее название, произнесенное вслух. Аналогом полыни служил любисток, а антиподом, способным спровоцировать агрессивность русалок, — петрушка (Иванов 1893: 67–69, 72). Часто исследователи упоминают полынь и любисток вместе, как равные по силе средства (Сементовский К. М. 1845: 214; Арандаренко 1849: 216; Маркевич 1860: 8; Забылин 1996: 68). В Гадячском уезде Полтавской губернии на вопрос русалки: «Що в тебе в руках?» полагалось отвечать: «Полынь», — тогда она скажет: «Цур тобі, пек тобі! згынь!» — и исчезнет; упоминание же мяты или петрушки грозило тем, что русалка могла *залоскотать* (Зеленин 1916: 1103).

Вероятно, не последнюю роль в этом сыграл звуковой образ слова, его потенциальные возможности к рифмовке: «...беда неосторожной, которая забыла взять с собой полынь или “любисток” — т. е. зорю. Русалка бро-

сается на дивчynu, спрашивает у ней: «Польнь или петрушка?» Если та ответит: «Польнь», — русалка убежит; если же: «Петрушка», водяная красавица зашекочет до смерти земную и увлечет ее в реку. При слове «польнь», русалка обыкновенно с досадой отвечает: «Сама ты сгынъ». А если она к мужчине обращается то: «Сам ты згинъ; ты не мій». На слово «петрушка» русалка говорит: «Ты моя душка!» — и потом щекочет» (Маркевич 1860: 80–81).

Возможны и такие диалоги: «А що мати варила?» — «Борщ та полинь... от вам полинь, сама ти изгинь!»; «От вам петрушка!» — «Ти ж наша душка!»; «От вам мьята!» — «Ти ж наша мати!» (вариант: «Тут тобі и хата!») (Максимович 1856: 98–99)³.

Польнь как «наиболее действенный оберег против русалки» упоминается и в современных исследованиях, например в материалах Полесского архива. Оберегом является и присловье: «Хрен да польнь, плюнь да покинь!» (поселок Вышевичи Радомышльского района Житомирской области) (Виноградова 2000: 163).

Второй календарный праздник, когда польнь становилась незаменимой, — день Иоанна Крестителя. Она прямо названа травой святого Ивана: пол. *swietojańskie ziele* ‘*Artemisia vulgaris* L.’ (Анненков 1876: 50). По-чешски она также называлась *pás sv. Jana*, «так как суеверные люди вечером накануне св. Яна опоясываются этой травой» и «так как ее носят как пояс вокруг бедер от болезней поясницы», или *bylina sv. Jana*, «так как ее надо копать на св. Яна Крестителя, иначе она не имеет силы» (Machek 1954: 249). Использовали же ее в этот день все славяне, причем довольно схожим образом и с определенным набором целей.

Прежде всего, как в любом календарном обряде, обостряется необходимость защитить себя от нечистой силы. В праздник Ивана Купалы в первую очередь остерегались ведьм. В Полтавской губернии накануне Иванова дня девушки и дети, собирая цветы и травы для венков, добавляли к ним польнь, чтобы уберечь себя от нападения ведьм, а также носили ее под мышками (Сементовский А. 1845: 108; Сементовский К. М. 1845: 227; Арандаренко 1849: 216). В Малороссии девушки и дети собирали помимо цветов также и польнь, «яко траву спасительную от всех чар нечистой силы, и тую же кладут под мышками на весь тот праздник» (Народный праздник 1861: 21). «День Рождества св. Иоанна Предтечи посвящается празднику *Купалы*. С утра девушки идут в поле или в лес собирать травы и цветы; из них вяют они для себя купальские венки, в венках должен быть и польнь; кроме того, они носят польнь весь этот день у себя под мышками; это предохранительное средство от русалок и ведьм» (Маркевич 1860: 10). Не исключено, что в песне, исполняемой в эту ночь, отражен обычай оберегать и скотину: «... А стары дзед короукау, / Як пер-

³ Подобные же диалоги приводятся в работах: Сементовский А. 1845: 108; Поверья русских... 1846: 279.

шы раз у поле гонюць, / А их вербай паганяюць, / Святым зельем подкураць, / Боже-дреукай да и мятай». Дождавшись, пока к костру придет за огнем самая старая старуха (*ведзьма*), ее хлестали, прогоняя, полынью (Дмитриев 1869: 223–227). Вероятно, поверье о том, что полынь влияет на ведьм (которые, как полагали, отбирали у коров молоко), лежит в основе следующих действий: «Наваром из чернобыли, собранной на Иванов день, обмывают коров, чтобы они давали больше молока» (Афанасьев 1994/2: 574–575).

В России в этот день «девицы в праздничных нарядах, опоясанные чернобыльником и душистыми травами, с цветочными венками на головах, и холостые юноши схватываются попарно за руки и прыгают через разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, им предсказывают счастье или беды, раннее или позднее супружество» (Афанасьев 1994/3: 715). В окрестностях Люблина сами купальские костры назывались *ognie byliczne* (букв. «полынные или чернобыльные костры») (СД 1999: 367).

Считали нужным защищать не только себя, но и свое жилище — в России, на Украине и в Польше украшали чернобылем дома и дворцовые постройки (Morawski 1884: 14, 22; Франко 1898: 206). В Проскуровском уезде для защиты от дьявола на Ивана Купала чернобыль и полынь затыкали под стрехи домов (Чубинский 1872: 82–83). В Краковском крае вечером «накануне св. Яна» дома украшали чернобылем; так же поступали мазуры и жители Подлясья (Sobotka 1879: 289; Morawski 1884: 14). Кроме того, полынью украшали образа святых и все внутри дома (Federowski 1888: 165). Этот обычай жители восточной Польши помнят и сейчас: «на святого Яна, это важнее всего, в крышу втыкали былицу (*Artemisia vulgaris* L. — В. К.), лопух. Это такая трава для святого Яна. Былица такая, и лопух такой с листьями растет. Когда-то так делали всегда, а теперь крыши высокие» (Замойское воеводство) (Niebrzegowska 2000: 176).

Полынь, использованная в Иванов день, применялась и после этого праздника. Так, «былица, собранная вечером перед сжиганием Сobotок (гуляние накануне Иванова дня) и использованная матерями как свивальник для ребенка женского пола, служила лекарством» (Morawski 1884: 14). У лужичан среди прочих «ивановских цветов» (*janske kwětki*) особенно целительной считалась полынь (*Artemisia vulgaris*) (КОО 1978: 197). Кроме того, полынь служила и для гадания: после праздника чешские девушки клали венки на ночь под голову, ожидая, что «в снах явится им будущий супруг». Утром они кидали все венки разом в реку: «чей венок поплывет вперед, та раньше всех выйдет замуж» (Sobotka 1879: 288–289)⁴.

⁴ В Троицу также гадали с помощью полыни: белорусские девушки вили венки из веточек деревьев и различных трав, среди которых была и полынь; их потом бросали в воду: чей венок скорее приплыл к берегу, та должна была раньше всех выйти замуж, хозяйка же утонувшего венка ждала смерти (Довнар-Запольский 1909: 309).

Кроме того, еще одна строго определенная роль полыни — предохранить работников от характерных во время страды заболеваний. На Украине жнецы и косари ею перепоясывались, чтобы не болел позвоночник при работе (Франко 1898: 206); в Минской губернии на *Куталы*, идя к месту ночного гуляния, жители подпоясывались полынью (Дмитриев 1869: 223–227). В Польше в этот праздник обвязывались чернобыльником *Artemisia vulgaris* (*bylica*) вместо поясов. Делали это для того, чтобы весь год быть здоровыми (Federowski 1888: 165). Опоясывание полынью в канун праздника св. Яна, а также в сам этот день гарантировало, что поясница целый год не будет болеть (Morawski 1884: 14).

Некоторые народные легенды объясняют те или иные целебные свойства полыни. Согласно польским материалам, отсеченная голова св. Яна упала среди *былицы* (*Artemisia vulgaris* L.) и лопуха. Поэтому былица помогает от всяких болей в пояснице, от порезов, ломоты и т. п. (Morawski 1884: 14).

Среди других календарных праздников можно назвать Юрьев день, когда полагалось умыться непочатой водой, в которую накануне клали полынь и пасхальное яйцо (Чайкановић 1985: 189–190). Существенно меньше использовалась полынь в обрядах жизненного цикла. Так, сербские невесты, идя венчаться, клали полынь за пазуху (Там же: 189). В Польше у рожениц в доме обтыкали полынью *окна*, чтобы *boginia* не подменила новорожденного ребенка (Morawski 1884: 26). В Подлясье русины клали в гроб чернобыль (*Artemisia vulgaris*) и полынь (*Artemisia absinthium*), «что, как говорят, было обычаем с языческих времен» (Sobotka 1879: 288). Мотивации могли быть от самых прагматических: «это задерживает разложение» (Morawsky 1884: 26) — до магических: в Сербии веточкой *бейтурана* (*Artemisia annua*) помечали место, на котором лежал покойник, чтобы отогнать нечистую силу (Чайкановић 1985: 299). На Украине полынью *боже-дерево* (*Artemisia abrotanum* L.) обкладывали покойников (Носаль М., Носаль І. 1960: 193). На Подгалье (Южная Польша) в гроб кладут полынь (*Artemisia abrotanum* L.), которая была освящена в Успенье, а затем засушена. Ветку того же растения вкладывают в руки покойного, чтобы тот мог отгонять адское пламя. Другие объяснения: «мертвым дают артемисию, чтобы отгонять черта»; «когда душа на ночь остановится у святой Гертруды, то будет отгонять этой веточкой герттрину собаку» (Lehr 1999: 122–123).

Как это вообще характерно для народной медицины, в употреблении полыни трудно выделить какую-либо систему, так как в разных локальных традициях она применялась от различных заболеваний, весьма многочисленных. Однако чаще всего и почти везде отмечено использование полыни от лихорадки. Среди свойств полыни обычно упоминается глистогонное и, вероятно, связанное с ним употребление ее от желудочных заболеваний и для ашпетита. Третья сфера воздействия полыни — женские болезни (регулирование месячных очищений и прочие отклонения).

От лихорадки употреблялись все три самых известных вида полыни (*abrotanum*, *absinthium*, *vulgaris*) при наибольшем количестве контекстов для чернобыльника *Artemisia absinthium* L. В основном ее пили в виде отвара, но в травнике Станислава Гажтовта, например, рекомендовалось «мазать “пульшики” во время дрожи от студеной лихорадки» (Зубов 1887: 13); кроме того, могли пить сок, настойку на водке. Сведения об употреблении полыни от лихорадки зафиксированы в Вологодской, Воронежской и Тобольской губерниях (Торэн 1996: 76–77), в Казанской губернии (Крылов 1882: 51–52, 57–58); в Пермской губернии (Крылов 1876: 80); на Украине (Минх 1890: 54; Маркович 1891: 427); в Полтавской губернии (Арандаренко 1849: 232; Августинович 1853: 17); в сл. Свято-Дмитриевка, Никольское, Шульгинка, Беловодск Старобельского уезда Харьковской губернии от лихорадки лечили полынью (Иванов 1898: 6, 189, 603, 929). Против лихорадки полынь (*Artemisia absinthium*) принимали и в Польше: от «ворогуши, которая имеет по вся дни: ...пелунова (водка. — В. К.) (Зубов 1887: 6, 13), а также в Сербии (Чајкановић 1985: 190).

При этом лихорадка могла восприниматься и как болезнь, и как мифологический персонаж — персонификация болезни. Так, у полеских белорусов настой полыни давали пить от лихорадки, которую представляли себе «в образе злой, безобразной старухи», выходящей весной из-под земли и вселяющейся в человека, спящего на открытом воздухе (Довнар-Запольский 1909: 284).

Полынь помогала и при сопутствующих заболеваниях: в Казанской губернии из чернобыльника делали ванны «от ломоты вследствие простуды» (Крылов 1882: 68). Он же считался хорошим средством от горячки (Чубинский 1872: 83; Франко 1898: 206; Niebrzegowska 2000: 157). В Костромской губернии его пили от простуды (Торэн 1996: 82).

На глистогонные свойства полыни указывает ее название *глистник* (для вида *Absinthium*) (Даль 1989–1991/3: 267). Именно этот вид с этой целью использовали чаще всего: в Казанской губернии (Крылов 1882: 70), в Ушицком уезде (Чубинский 1872: 112), в Полтавской губернии (Августинович 1853: 17), в Белоруссии (Крачковский 1874: 192), в Польше (Зубов 1887: 13)⁵. Кроме того, лечили и другие заболевания пищеварительного тракта: полынную настойку на хлебном вине пили от заболеваний желудка (Арандаренко 1848: 38; 1849: 232). В Восточной Польше полынь «для аппетита детям давали» (Замойское воеводство) (Niebrzegowska 2000: 157). В Новгородской губернии ее пили для возбуждения аппетита (Торэн 1996: 82), в Сербии принимали при недостатке аппетита и болезни желудка (Чајкановић 1985: 190).

⁵ Ср.: «*Artemisia Lercheana*... издавна употребляется в медицине для изгнания глистов» (Анненков 1876: 49).

Согласно исследованиям М. А. Носалья, в этой сфере «народное лечение в использовании этого растения [*Artemisia absinthium* L.] не отличается от научной медицины и пользуется всеми ее методами», так как оно «укрепляет желудок, выгоняет круглых глистов, прекращает понос, усиливает перистальтику кишечника» (Носаль М., Носаль I. 1960: 32). Впрочем, точно так же применялись и *Artemisia vulgaris* L., и *Artemisia abrotanum* L., но только в народной украинской медицине (Там же: 35, 193)⁶.

Для лечения различных женских заболеваний практически без исключений используется вид *Artemisia vulgaris* L. (чернобыльник): «в Полтавской губернии при страданиях матки лечатся ваннами из чернобыльника (*Artemisia vulgaris* L.), который... играет у народа видную акушерско-гинекологическую роль» (Демич 1889: 19); корень чернобыльника (*Artemisia vulgaris* L.) «в народной медицине употребляется от всех женских болезней, происходящих от расстройства женских отправления»; чай или настойка вида *Artemisia campestris* L. — «в женских болезнях...» (Анненков 1876: 48, 50). Были и более конкретные рекомендации: «если у “родишки” недостаточно потуг, то следует дать ей отвару из сухого чернобыльника...» (Полоцкий уезд) (Никифоровский 1897: 9); «в простонародии из сушеной травы чернобыльника приготавливаются ванны... в страданиях матки и задержании месячного очищения» (Августинович 1853: 18); «матицу напаривать и луно, — месячное побужает и мертвый плод выводит» (Зубов 1887: 13). Отвар полыни, как считалось, помогал от бесплодия (Mogawski 1884: 14; Зубов 1887: 13), а также от кровоизлияний при женских болезнях (Чајкановић 1985: 190). Листья и корни использовали при болезненных менструациях, а отвар верхушек — для усиления послеродовых выделений у рожениц (Носаль М., Носаль I. 1960: 34–35).

Последняя крупная группа заболеваний, от которых применяли полынь, — заболевания психические: истерика, падучая (черная немочь), а также судороги и конвульсии (Носаль М., Носаль I. 1960: 34). *Чернобыльный корень дают от падучей* (Даль 1989–1991/4: 595). Само слово *чернобыль* (праслав. **čьrnobyľь*) известно многим славянским языкам: укр. *čornobyľ*, бел. *чарнабыль*, *чарнабуль*, *чарнобыльнік*, чеш. *černobyľ*, србх. *stobil*, *stobilnik*, словен. *črna bil*. Возможно, это название и обусловлено применением растения от падучей: «*черная немочь*, падучая; паралич» (Даль 1989–1991/4: 594), «трава *Чернобылец*... добра от черной болезни» (из травника-списка начала XVIII века, цит. по: Флоринский 1879–1880:

⁶ Препараты из полыни применяют «для повышения аппетита, для улучшения пищеварения и усиления секреторной деятельности желудка. Полынь горькая, так же как и полынь обыкновенная (чернобыльник) входят почти во все желудочные и печеночные сборы, и врачи назначают их при желудочных колитах, гастритах, метеоризме и как легкое снотворное. <...> Полынь противопоказана беременным женщинам» (Валягина-Малютина 1996: 139).

10). В Винницком уезде записан следующий рассказ: видя, как татарский знахарь съел мясо змеи, его пленник-казак сделал то же самое и стал понимать язык всех растений. Среди прочих трав он услышал голос чернойбыля, который говорил: «Я от черной болезни» (Чубинский 1872: 210). В Приаргунском и Томском крае чернойбыль применяли с той же целью; «от этой болезни его употребляли... даже многие врачи» (Торэн 1996: 82). Лечились полынью от падучей в Пермской (Крылов 1876: 93) и Вологодской губерниях (Иваницкий 1890: 151). В Могилевской губернии от падучей и от истерики принимали «3 раза в день порошок корней чернойбыля *Artemisia vulgaris* L.» (Демич 1889: 37). Таким же образом его применяли в Полтавской губернии: «чернойбыль с давних времен пользуется известностью при лечении истерических и других нервических болезней... корням приписывается свойство прекращать припадки падучей болезни...» (Августинович 1853: 18). Из него же делали ванны «для излечения истерических страданий» (Арандаренко 1849: 232).

Различие между экземплярами одного и того же вида дало повод к применению магии, в частности цветовой: *чернойбыль*, или *чернойбыльник* (*Artemisia vulgaris* L.), в виде отвара экземпляров с красными стеблями давали пить при остановке месячных очищений, а из чернойбыльника с зелеными стеблями делали ванны (Крылов 1882: 68). «Черный чернойбыль» в «Прохладном Вертограде» упоминается как средство, которое «движет менструово течение», а «белый чернойбыль» его «заключает» (Флоринский 1879–1880: 102). В Тверской губернии полынь (*Artemisia vulgaris* L.) с зелеными стеблями, как полагали, останавливала обильные кровотечения, а с красными — открывала «задержанные крови» (Демич 1889: 9)⁷.

Применялись и другие виды магии. В Воронежской губернии в зависимости от цели — «для открытия кровей и задержания излишних» — стебли полыни (*Artemisia abrotanum* L.) срезали «ножом книзу иливерху» (Там же). В Сербии тот, кто хотел вылечиться от чахотки, должен был откусить верхушку растущей полыни: если полынь высохла, больной ждал выздоровления (Чайкановић 1985: 190). Тут передача болезни растению подкрепляется языковыми связями: србх. *сушица* ‘чахотка’. Здесь жизнь человека как бы находится в обратной зависимости от жизни растения — выжить может только один.

Впрочем, народной медицине была известна и отрицательная сторона применения полыни: «продолжительного употребления [*Artemisia absinthium* L.] избегают, так как оно производит нервное расстройство» (Иваницкий 1890: 151). Ее чрезмерное употребление могло «вызвать судороги и конвульсии, галлюцинации, а также помешательство» (Носаль М., Носаль И. 1960: 32).

⁷ Есть мнение, что и сам *чернойбыль* — ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L. — назван так, в отличие от полыни горькой *Artemisia absinthium* L., за красноватый (а не белый) цвет метелок (Меркулова 1967: 122).

Применение полыни в народной ветеринарии по целям практически совпадает с лечением людей, например: «если стельная корова ушибется или ее боднут другие, ей дают есть *boże drzewko* (*Artemisia Abrotanum* L.), чтобы у нее не было выкидыша. С той же целью на Подгалье женщины пьют при испуге листки божьего дерева⁸ с чистой водой. Служит оно также для окуливания скота, перегоняемого с одного пастбища на другое» (Morawski 1884: 14); «дается, смешанная с кормом, индюкам, отвар же коровам после отела, а иногда и роженицам (Краковский край)» (Там же: 26); в Проскуровском уезде лошадям от глистов «дают пить цитварное семя» (Чубинский 1872: 57). На Украине полынь «старухи используют для окуливания... больных животных» (Носаль М., Носаль I. 1960: 193).

Польнь считалась в целом универсальным оберегом, спасающим от всяких чар: «хорошо носить при себе *боже древце*, чтобы быть защищенным от колдовства» (Sobotka 1879: 290).

Некоторые магические свойства, приписываемые полыни, находятся в соответствии с ее употреблением на акциональном уровне: «кто носит ее в ботинке, получит аппетит» (Там же: 287). Другие, напротив, противоречат ее же применению на практике: «если в каком-то улье пчелы не хотят жить, следует его вытереть былицей, и они несомненно к нему прилетят» (Morawski 1884: 14).

Полыни приписывается свойство отгонять пресмыкающихся: «аще в которой храмине та трава лежит, тут пользующий ядовитый гад не входит» (Самолечение... 1884: 423); «полынь, посланная или подкуренная, отгоняет змей» (Sobotka 1879: 290).

Очевидно, репутация полыни как универсального оберега обусловила ее применения как охранного средства от грозы. «В числе разных предохранительных средств во время грозы чернобыльник нужно считать одним из надежных. Посему в каждом доме чернобыльник держится на печи во весь год для куренья им в избе во время грозы. Весьма важно иметь в этом случае хотя немного освященного (24 июня, или

⁸ Божим деревом (тж. *божедревко*, укр. *биз-дерево*, бел. *божжа дзерава*, *божа дрэўка*, болг. *божо дрвцо*, србх. *božje drveće*, чеш. *boží dřevce*, *boží dřevce*, пол. *boże drzewko*) (Рогович 1874: 4; Анненков 1876: 47; Sobotka 1879: 289; Ганчарык 1927: 3; СРНГ 3: 64; Даль 1989–1991/1): 107) называют разные виды полыни: *Artemisia vulgaris* L., *Artemisia campestris* L., *Artemisia abrotanum* L., *Artemisia procera* Willd. По этому поводу существует несколько предположений. В. Махек, перечисляя несколько возможных вариантов — «великую лекарственную силу», разведение в монастырских садах, добавление в освященные букетики, — подвергает их, однако, сомнению и высказывает свою версию об использовании в гадательных практиках древних пруссов и литовцев палочек из этого растения, хотя признает, что известий об аналогичном использовании полыни у славян не имеется (Machek 1954: 249–250). Однако здесь следует упомянуть о том, что болезнь *злая немочь*, *падучая*, которую лечили при помощи полыни, имела также название *божьё* (Даль 1989–1991/1): 107).

1 авг.) чернобыльника» (местечко Придруйск Дриссенского уезда Витебской губернии, 1865) (Никифоровский 1897: 214. № 1661)⁹.

Видимо, также к апотропеическим свойствам полыни следует отнести и веру в то, что ружье, вымытое отваром полыни, собранной в день св. Яна Крестителя перед восходом солнца, не знает промахов, и приписывание ей способности «возвращать мужественность и отгонять всяких чудовищ и чары, которые препятствуют естественному желанию» (Sobotka 1879: 289–290). В окрестностях Заечара (Сербия) также верили, что полынь стимулирует потенцию (Чажкановић 1985: 288). Не исключено, что именно с этим свойством полыни связано название *мужичок* для видов *Artemisia prosera* Willd. (Анненков 1876: 49; Тамбовская губерния) и *Artemisia abrotanum* L. (Даль 1989–1991/2: 357; без указания места).

Мы уже упоминали о том, что полынь в больших дозах могла вызвать нежелательный эффект и повредить рассудок. В украинских материалах встречается прямое предупреждение: «*Забудьки* (чернобыльник). Их варят в борще; но говорят, что “хто йить забудьки, той буде забувать про свои дила”» (сл. Никольское Старобельского уезда Харьковской губернии) (Иванов 1898: 320). Не исключено, что такое название вызвано именно свойством полыни влиять на рассудок человека. В этой связи показательны несколько рассказов о происхождении названия *забудьки*. В украинской сказке наймит, тайком от хозяина-чумака, поел каши с мясом змей и стал понимать язык трав. Засмеявшись, он выдал себя; «чумак отошел в сторону, вырвал стебло *чернобыли*, облупил его и говорит: “На, съезь!” И когда съел наймит стебло чернобыли, перестал слышать, как шепчутся на степи травы, и позабыл все, что они говорили. От того-то чернобыля и зовется на Украине *забудьками*» (Максимович 1856: 83–84).

В другом рассказе татары продали своего пленника великанам; его хозяин, убив змею, велел слуге варить ее семь раз, сливая воду на землю; от этого трава почернела. Пленник вопреки запрету попробовал змеиного мяса и услышал, как говорят вокруг него животные и растения. Воспользовавшись своей новой способностью, пленник узнал, какой конь сможет перенести его через море. Хозяин пустился в погоню, однако, не догнав, крикнул: «Iwane, Iwane, jak przyjedziesz do domu, pamiętaj zgotuj sobie korzenia czornobyly i napij się, to jeszcze więcej będziesz wiedzieć jak wiész». Слуга послушался, напился отвара чернобыля и сразу все забыл (Lud Ukraiński 1857/2: 353–356).

В сказке «Сага о русском», записанной в селе Жолчине, мужик, послушавшись хозяина-«писигалевца», съел остатки каши со змеиным мясом

⁹ По мнению В. Махека, это свойство отражено уже в одном из названий чернобыльника — *нехворощь*, укр. *нехворощ*, чеш. *netresk*, ст.-чеш. *nechřastь*, пол. (из чеш.) *netrzesk*, *nietrzasek*, словен. *netresk*, *natresk*, *natrsk*, *natrst*, *nastrk*, хорв. *netresk*, *netresak*, *netrest* и др. Он связывает его с глаголом *chřestnůti* ‘загрохотать’ (Machek 1954: 96, 249).

и стал понимать язык зверей и птиц. Подслушав разговоры лошадей, он понял, которая из них может его вывезти из неволи, и сбежал. Хозяин, поняв, что беглеца ему не догнать, стал кричать: «Русский, скажи: “Чернобыль трава”; однако лошадь заранее его предупредила: «Ты молчи, то все позабудешь» (Худяков 1860: 135–138).

Приводится также рассказ, записанный в Стародубском уезде, о названии *забудки*: девочка, пошедшая в лес на Воздвиженье, упала в яму со змеями и, проведя в ней всю зиму, получила понимание языка всех трав и их целебных свойств. Однако, произнеся слово «чернобыль», она немедленно забыла все, что слышала от растений (Рогович 1874: 4–5). Мы видим, что и здесь, как в случае с защитой от русалок, сила слова равноценна силе самого растения. Особенно интересно то, что полынь, являясь отгонным средством, не только защищает от змей, но и отнимает подаренные ими (или приобретенные с их помощью) знания. В данном случае полынь, лишая магических знаний (а то и разума вообще), как бы противопоставляется волшебному цветку папоротника, который (как и змея) дает способность понимать язык трав и животных.

Основное свойство полыни — горечь — отмечается уже в древнейших памятниках: «Наслаждает грътань твою, послѣд гръчее пельныа обращеши» (Срезневский 1989: 895).

Полыни, как и многим другим растениям, играющим важную роль в традиционной культуре, приписывается происхождение из мертвого тела. Так, в карпатской колядке три девушки-сироты, охраняющие золотую ряску на конопле, опасаются, что за нерадивость мачеха их сожжет, пепел посеет в огороде и из них вырастут «трояке зилья»:

Перше зилейко — биждеревочок;
 Друге зилейко — крутая мята;
 Третье зилейко — зеленый барвинок.
 Биждеревочок — девкам до кисочок;
 Крутая мята — хлопцям на шапята;
 Зеленый барвинок — девчатам на венок»

Костомаров 1843: 37

В Купянском уезде Харьковской губернии верили, что «полынь и будяк сїав лукавый» (Иванов 1888: 99); так же полагали и крестьяне Старобельского уезда Харьковской губернии, поскольку «як хто возьме полынь у руки, так стане гирко и в роти, и скризь, и нашнеть вин кашлять, чхать и лаяцця» (Иванов 1898: 320).

Горький вкус полыни («горек, как полынь» — Даль 1997: 271; «гірке, як полинь» — Номис 1864: 243; «горчи като пелинь» — Младенов 1941: 417; «hořké jako peluňek» — Sobotka 1879: 286) обусловил и фразеологию. Про того, кто кривил губы от недовольства, говорили: «Квасит лице, як би полину покоштував» (Франко 1907: 251); «Не я полынь-траву садила, сама окаянна уродилась! Полынь после меду горче самой себя. Чу-

жая жена лебедушка, а своя — полынь горькая! Речи как мед, а дело — как полынь» (Даль 1989–1991/3: 267). В песнях она зарождается из слез:

Со песком слеза смешалась, —
Стала травушка горька,
Что горька она, горька,
Полынушкой налита,
Полынушкой названа
Для изменщика-друга!

Соболевский 1895–1899/5: 250, № 324

В песне из Вологодской губернии полынь выступает символом горькой жизни, пришедшей на смену счастью:

Полынька, полынька, травонька горькая!
Не я ты садила, не я сеяла,
Сама ты, злодейка, уродилась,
По зеленому садочку разстелилась,
Заняла, злодейка, в саду местечко,
Место доброе да хлебородное

Соболевский 1895–1899/3: 89–90, № 113;

Шейн 1898: 193, № 740, 741

С полыню может сравниваться нелюбимый человек:

1) Разставаться стал...

...Стал полыней звать,
Стал: «полынушка, полынюша,
Полынь горькая!»

Соболевский 1895–1899/3: 281, № 339; Вятская губ.

2) Ах, чужая-то жена — лебедь белая моя;

Когда обок-то сидит, как огнем она палит...

А своя-то жена — полынь горькая трава:

Она обок-то сидит, как морозом ознобит...

Соболевский 1895–1899/3: 366, № 452;

Шейн 1898: 206, № 784

3) Radší, matko, pelunek bych jídala,

než s nemilým u večere sedala.

Sobotka 1879: 287

Либо сравнивается тот, кто сам страдает:

1) Ветры буйны леса клонят на меня,

На меня, бедну-горьку сироту,

Ровнешенько на полынь горьку траву.

Соболевский 1895–1899/4: 160, № 210; Вологодская губ.

- 2) Два поля чистья, третье сороватое:
Полынь, перекасти-поле...
У нашей матушки две дочери счастливы,
А третья безсчастная.

Соболевский 1895–1899 / 3: 3, № 3; Курская губ.

Таковы же ассоциации, связанные с неприятным местом: «чужа дальняя сторона» «полынью взята, горькою горчицею усеянная» (Там же: 18, № 21).

Или:

Батькова хлеба не хочется;
Батькив хлеб полынем пахне.

Костомаров 1843: 39

Полынь как растение с негативной семантикой последовательно противопоставляется тем цветам, которые в традиционной культуре наделены положительной символикой. Так, в хорватской песне «полынь сообщает девушке, что ее возлюбленный намеревается ее покинуть»:

I mi je povídal pelinak zeleni,
da će me ostavit moj klinčac ljubljeni.

При этом *klinčac* (букв. «гвоздика») означает любовника (Sobotka 1879: 287). Схожим образом в сербской песне противопоставляются полынь и базилик. Девушка, возвращая юноше кольцо, так как он не нравится ее семье, говорит: «Я босиљак сејем, мене пелен ниче / Ој пелен, пеленче, моје горко цвеће! / Тобом ће се моји свати закитити, / Кад ме стану тужну до гроба носити» (Караџић 1841: 439, № 609).

Полынь может противопоставляться и розе, как символу любви:

Да ја знадем, моје бело лице,
Да ће тебе стар војно љубити,
Ја би ишла у гору зелену,
Сав би пелен по гори побрала,
Из пелена б' воду извијала,
Те би тебе, лице, умивала,
Кад стар љуби, нека му је горко.
А да знадем, моје бело лице,
Да ће тебе млад војно љубити,
Ја би ишла у зелену башчу,
Сву би ружу по башчи побрала,
Из руже би воду извијала,
Те би тебе, лице, умивала,
Кад млад љуби, нека му мирише.

Караџић 1841: 290, № 395 27

* * *

Итак, мы видим, что сорное в общем-то растение именно благодаря своим неприятным вкусу и запаху приобрело значительное место в традиционной культуре славян, в основном как отгонное и лекарственное средство. При этом, несмотря на свои полезные свойства, в «языке цветов» оно противопоставлено цветам с положительной, светлой символикой — розе, гвоздике, базилику. Вероятно, такое отношение обусловлено не только горьким вкусом растения, но и его специфическим воздействием на человека, что выразилось в поверье о потере приобретенных волшебным путем знаний и даже разума под влиянием полыни.

Литература

- Августинович 1853: *Августинович Ф. М.* О дикорастущих врачебных растениях Полтавской губернии // Труды комиссии, высочайше учрежденной, при императорском ун-те св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Киев, 1853. Т. 2. С. 1–91.
- Анненков 1876: *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб.: Типография Императорской Акад. наук, 1876. 411 с.
- Арандаренко 1849: *Арандаренко Н. И.* Записки о Полтавской губернии Николая Арандаренка, составленные в 1846 году: В 3 ч. Полтава: Типография губернского правления, 1849. Ч. 2. 385 с.
- Афанасьев 1994: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994.
- Българска митология 1994: *Българска митология: Енциклопедичен речник / Съставител Анани Стойнев.* София: Издателска група 7М+ЛОГИС, 1994. 400 с.
- Валягина-Малютина 1996: *Валягина-Малютина Е. Т.* Лекарственные растения. СПб.: Специальная литература, 1996. 235 с.
- Виноградова 2000: *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- Ганчарык 1927: *Ганчарык М. М.* Беларускія назовы расьлін. Ч. II // Праца Навуковаго таварыства па вывученню Беларусі. Горкі, 1927. Т. 4. С. 1–28.
- Даль 1989–1991: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.
- Даль 1997: *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. СПб.: Литера; Виан, 1997. Т. 2.
- Демич 1889: *Демич В. Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство и гинекология у народа: В 2 т. СПб.: Губернская типография, 1889. Т. 2.
- Дмитриев 1869: *Дмитриев М. А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна: Печатня А. Г. Сыркина, 1869. 264 с.
- Довнар-Запольский 1909: *Довнар-Запольский М. В.* Белорусы: Этнографический очерк // Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1. С. 257–317.

- Забылин 1996: *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 608 с.
- Зеленин 1916: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг.: Типография А. Г. Орлова, 1916. Вып. 3. С. 989–1279.
- Зубов 1887: *Зубов А.* Заметка о травнике Троицкого воеводы Станислава Гажовта. М.: Унив. типография, 1887. 27 с.
- Иваницкий 1890: *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 69. Труды этнографического отдела. М., 1890. Т. 11. Вып. 1. С. 1–231.
- Иванов 1898: *Иванов В. В.* Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии (очерк по этнографии края). Харьков: Типография губернского правления, 1898. Т. 1. 1012 с.
- Иванов 1888: *Иванов П. В.* Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру (материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Харьковский сборник. Харьков, 1888. Т. 2. С. 81–99.
- Иванов 1893: *Иванов П. В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках (материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5. Труды педагогического отдела Историко-филологического общества. Вып. 1. С. 23–74.
- Караѿић 1841: *Караѿић Вук.* Српске народне пјесме. Књ. 1. Беч: У штампарији Јерменскога манастира, 1841. 640 с.
- КОО 1978: *Календарные* обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX–начало XX в. Летне-осенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1978. 295 с.
- Костомаров 1843: *Костомаров Н. И.* Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков: Университетская типография, 1843. 214 с.
- Крачковский 1874: *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском ун-те, 1874. 212 с.
- Крылов 1876: *Крылов П.* О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5. Вып. 2. 131 с.
- Крылов 1882: *Крылов П.* Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1882. Т. 11. Вып. 4. 77, VIII с.
- Кульчицкий 1873: *Кульчицкий С.* О суеверных обычаях, повериях и приметах жителей села Ставучан Хотинского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1873. № 7. С. 314–319; № 10. С. 425–435; № 17. С. 626–630; № 18. С. 670–680; № 22. С. 813–824.

- Маковій 1993: *Маковій Г. П.* Затоптаний цвіт: Народознавчі оповідки. Київ: Український письменник, 1993. 205 с.
- Максимов 1995: *Максимов С. В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 672 с.
- Максимович 1856: *Максимович М. А.* Дни и месяцы украинского селянина // Русская беседа. 1856. № 3. Май. С. 73–108.
- Маркевич 1860: *Маркевич Н. А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиан. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1860. 174 с.
- Маркович 1891: *Маркович В. В.* Знахарки нового типа // Киевская старина. 1891. Т. 35. Декабрь. С. 413–429.
- Меркулова 1967: *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 260 с.
- Минх 1890: *Минх А. Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах. СПб.: Типография В. Безобразова, 1890. 152 с.
- Младенов 1941: *Младенов С.* Етимологически и правописень речникъ на българския книжовень езикъ. София: Книгоизд-во Христо Г. Данов — О. О. Д-во, 1941. 704 с.
- Народный праздник 1861: *Народный* праздник Купала, описанный и объясненный ведля сохранившихся преданий и поверий народа. Львов: Типолитъ Ин-та Ставропольского, 1861. 47 с.
- Никифоровский 1897: *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская типо-литография, 1897. 308 с., 30 с.
- Номис 1864: *Номис М.* Українські приказки, прислів'я та інше. СПб.: Друкарни Тиблена и Комп. и Кулиша, 1864. 321 с.
- Носаль М., Носаль І. 1960: *Носаль М. А., Носаль І. М.* Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ: Державне медичне вид-во УРСР, 1960. 259 с.
- Пловдивски край 1986: *Пловдивски* край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Издателство на българската Академия на науките, 1986. 390 с.
- Поверья русских... 1846: *Поверья* русских о русалках // Полтавские губернские ведомости. 1846. Прибавление к № 21. С. 278–280.
- Потебня 1890: *Потебня А.* Малорусские домашние лечебники XVIII века. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. 59 с.
- Преображенский 1959: *Этимологический* словарь русского языка / Под ред. А. Г. Преображенского. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 1.
- Раденковић 1996: *Раденковић Љ.* Символика света у народној магији јужних словена. Ниш: Просвета, 1996. 378 с.
- Рогович 1874: *Рогович А. С.* Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми поверьями и рассказами о них. Киев: Университетская типография, 1874. 56 с.

- Самолечение... 1884: *Самолечение* простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 44. С. 423–424.
- СД 1999: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: В 5 т. М.: Международный. отношения, 1999. Т. 2. 704 с.
- Сементовский А. 1845: *Сементовский А.* Очерки малороссийской демонологии // Киевские губернские ведомости. 1845. Прибавление к № 13. С. 91–93. Прибавление к № 14. С. 98–100. Прибавление к № 15. С. 108–109. Прибавление к № 16. С. 117–118.
- Сементовский К. М. 1845: *Сементовский К. М.* Некоторые народные обычаи и поверья здешней губернии // Полтавские губернские ведомости. 1845. Прибавление к № 15. С. 157–158. Прибавление к № 19. С. 187–189. Прибавление к № 22. С. 213–214. Прибавление к № 24. С. 227–228. Прибавление к № 37. С. 352–354.
- Соболевский 1895–1899: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни: В 5 т. СПб.: Гос. типография, 1895–1899.
- Срезневский 1989: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 2.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1968. Вып. 3; 1972. Вып. 7.
- Торэн 1996: *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. 496 с.
- Фасмер 1996: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука; М.: Терра, 1996. Т. 3.
- Флоринский 1879–1880: *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI–XVII вв. Казань: Типография Императорского ун-та, 1879–1880.
- Франко 1898: *Франко І.* Людові віруваня на Підгіррю // Етнографічний збірник. 1898. Т. 5. С. 160–218.
- Франко 1907: *Франко І.* Галицько-руські народні приповідки. Т. II, вып. 1 // Етнографічний збірник. 1907. Т. 23.
- Худяков 1860: *Худяков И. А.* Великорусские сказки. М.: Типография В. Грачева и К°, 1860. Вып. 1. 148 с.
- Чайкановић 1985: *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд: Срп. књижевна задруга, 1985. 348 с.
- Чубинский 1872: *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край: В 7 т. СПб.: Типография В. Безобразова, 1872. Т. 1. Вып. 1. 224 с.
- Шейн 1898: *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб.: Типография Императорской Акад. наук, 1898. Т. 1. Вып. 1. LVIII, 376 с.
- Шпис-Тулум 1995: *Шпис-Тулум М.* Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // Српски дијалектолошки зборник. 41. Београд, 1995. С. 397–490.
- Brückner 1970: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1970. 807 s.

- Federowski 1888: *Federowski M.* Lud okolic Żarek, Siewerza i Pilicy. Warszawa: Skład główny w księgarni M. Arcta, 1888. T. 1. 439 c.
- Lehr 1999: *Lehr U.* The Magic of the Time of Death: A Contribution to the Study of Funeral Customs in the Carpathian Village // *Ethnolog.* 1999. 9 (60). № 1. C. 117–126.
- Lud Ukraiński 1857: *Lud Ukraiński /Przez Antoniego Nowosielskiego:* B 2 t. Wilno: Księgarza i typografa Wileńskiego naukowego okręgu, 1857.
- Machek 1954: *Machek V.* Česká a slovenská iména rostlin. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd, 1954. 368 s.
- Morawski 1884: *Morawski Z.* Myt roślinny w Polsce i na Rusi. Tarnów: W drukarni Józefa Styrny, 1884. 42 s.
- Niebrzegowska 2000: *Niebrzegowska S.* Przestrach od przestachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. 266 s.
- Sobotka 1879: *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písniích, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice // *Novočeská bibliothéka.* Číslo XXII. Praha, 1879. 344 s.